

Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839)

© 2024 г. И.А. Бабоша

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)

ivanbabosha@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется история создания и деятельность неизвестного в исторической литературе Секретного комитета высшего политического надзора (1837–1839 гг.) – российского межведомственного органа полицейского сыска эпохи Николая I. В научный оборот вводятся протоколы заседаний этого органа и межведомственная корреспонденция из ГА РФ (Ф. 109). Эти источники позволяют по-новому взглянуть на систему заграничного сыска Российской империи. Проблематика польской эмиграции освещается с точки зрения российской тайной полиции, работа которой недостаточно учитывалась в историографии национальных движений. Задачей комитета был надзор за польской эмиграцией, сформировавшейся после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском. Заседания проводились под председательством А.Х. Бенкендорфа, главного начальника III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, с участием представителей военного министерства и МИД. Комитет вел переписку с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем, губернаторами приграничных провинций России, а также с властями Австрии и Пруссии. Анализ протоколов заседаний этого комитета позволяет сделать вывод о том, что данный орган выполнял исключительно совещательные и координационные функции. Деятельность комитета была попыткой создать единую межведомственную систему обмена агентурными сведениями о перемещениях польских эмиссаров и их диверсионных проектах.

Ключевые слова: политический сыск, польская эмиграция, царубийства, Царство Польское, Третье отделение, Министерство иностранных дел.

Ссылка для цитирования: Бабоша И.А. Секретный комитет высшего политического надзора в России и польская эмиграция (1837–1839)// *Славяноведение*. 2024. № 3. С. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X24030012, EDN: WZMWQE

Secret Committee of High Political Surveillance in Russia
and Polish Emigration (1837–1839)

© 2024. Ivan A. Babosha

Institute of Scientific Information for Social Sciences Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

ivanbabosha@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the history of the creation and the activities of the «Secret committee of high political surveillance» (1837–1839) – the Russian interdepartmental body of international policing in the era of tsar Nicholas I, which is unknown in the historical literature. The paper introduces the minutes of the sessions of this body and the interdepartmental correspondence attached to them from The State Archive of The Russian Federation (GARF). These sources expand on the Russian empire's system of international policing and highlight the Polish emigration's history from the viewpoint of the Russian secret police, which wasn't sufficiently covered in the historiography of the Polish national movement. The Committee examined intelligence on the Polish political emigration, which was formed after the failure of the November Uprising of 1830–1831 in Congress Poland. Alexander Benckendorf, the chief of the III Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, was the chairman of this committee. The representatives of the War and Foreign Ministries took part in its meetings. The Committee corresponded with Congress Poland's viceroy Ivan Paskevich and with the governors of the border provinces of Russia, as well as with the Prussian and Austrian authorities. The analysis of the minutes from the sessions of this committee shows that this body was exclusively consultative. It was an attempt to create a unified interdepartmental system of intelligence exchange on the activities of the Polish emissaries.

Keywords: Secret police, foreign intelligence, transnational policing, spy ring, polish emigration, regicide, Congress Poland, The Third Section, Foreign ministry.

For citation: Ivan A. Babosha. Secret Committee of High Political Surveillance in Russia and Polish Emigration (1837–1839)// Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences. = Slavyanovedenie, 2024. No. 3. P. 5–17. DOI: 10.31857/S0869544X24030012, EDN: WZMWQE

В исторической литературе распространена точка зрения о том, что зарубежная агентурная сеть III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕИВК) была организована с целью надзора за польской политической эмиграцией, которая сформировалась после поражения Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском (см., например: [Абакумов 2008, 8–9; Бибииков 2009, 282–287; Заиченко 2023, 33–45; Кухажевский 2018, 103–138; Оржеховский 1982, 69; Троцкий 1930, 59; Черкасов 2008, 173–175; Черкасов 2007, 56–62; Чукарев 2005, 579–580; Głębocki 2012, 293–305]). Это положение вполне справедливо. Однако необходимо подчеркнуть, что III отделение не монополизировало сферу политического сыска на польском направлении. Этой деятельностью занимались разные ведомства Российской империи. Сведения о польских эмигрантах Николай I зачастую получал непосредственно из личной переписки с И.Ф. Паскевичем, наместником Царства Польского [Кухажевский 2018, 201]¹.

О межведомственном характере надзора за «польскими выходцами» свидетельствует практически неизвестный в историографии источник – протоколы заседаний Секретного комитета высшего политического надзора (фр. *un Comité secret de*

¹ О структуре тайной полиции Царства Польского в эпоху наместничества И.Ф. Паскевича (1831–1856 гг.) см. подробнее: [Носов 2016, 134; Borkowski 2003, 217–242; Kulik 2019, 217–219, 244–246; Próchnik 1962, 47–104].

haute surveillance politique)², которые велись преимущественно на французском языке, широко используемом в российском делопроизводстве того времени. Источник представлен двумя архивными делами из Ф. 109 ГА РФ, которые при этом хранятся в разных описях (опись 1-й экспедиции за 1837 г. и опись 2а). Первое дело содержит записи с 21 декабря 1837 г. по февраль-март 1838 г.³, а второе — с февраля-марта 1838 г. по 2 января 1839 г.⁴

Председателем этого органа стал главный начальник III отделения А.Х. Бенкендорф, непосредственное участие в его работе принимали сановники из российского МИД и военного министерства. Комитет поддерживал контакты с наместником Царства Польского И.Ф. Паскевичем, с некоторыми российскими губернаторами и руководителями зарубежных дипмиссий, а также с австрийским канцлером К. Меттернихом. Заседания проходили раз в неделю, в семь часов вечера на квартире у Бенкендорфа⁵. Помимо журналов заседаний в данных архивных делах есть справочные записки и фрагменты межведомственной корреспонденции. Документы первых двух типов составлялись только по-французски. Чиновничья переписка представлена как русскоязычными, так и франкоязычными сообщениями. Полноценная стенограмма собраний не велась. В протоколах заседаний перечислялись донесения членов комитета, а в самом конце указывались принятые резолюции. Некоторые из этих докладов приводились в кратком пересказе, в других случаях указывалась только тема сообщения.

В польской эмиграции существовало два главных течения — консервативное (или «аристократическое») и демократическое.

Консерваторы группировались вокруг князя Адама Чарторыйского (1770—1861). Это были сторонники конституционной монархии, выступавшие против радикальных аграрных преобразований и за сохранение крупной земельной собственности. Они ориентировались на поддержку западных правительств [Фалькович 2017, 15—19, 276; Zdrada, 1987, 50—67].

Демократы исповедовали революционно-республиканские взгляды. Они декларировали, что опираются не на руководство западных держав (как консерваторы), а на союз с другими европейскими народами под лозунгом «За вашу и нашу свободу!». В отличие от группировки Чарторыйского, у них не было единой организации и лидерства. Демократический лагерь постоянно раздирали идеологические противоречия.

«Умеренные» демократы во главе с историком Иоахимом Лелевелем (1786—1861) предлагали не создавать жесткую организационную структуру и строго очерченную политическую программу. По их мнению, это позволило бы объединить как можно большее число эмигрантов разных убеждений для борьбы за национальную независимость. С этой целью в декабре 1831 г. был организован Польский национальный комитет (ПНК) под председательством Лелевеля [Фалькович 2017, 20—21; Zdrada 1987, 16].

² В полной форме это название впервые появляется в письме Бенкендорфа Паскевичу 16 февраля 1838 г. (ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 16). Судя по источникам, унифицированное наименование этого комитета так и не сложилось. В документах его могли также называть «Комитетом высшего надзора» (с опущением слова «секретный» в начале) или «Комитетом высшей полиции». В рамках данной работы употребляется наиболее полный вариант названия — «Секретный комитет высшего политического надзора», если речь не идет о прямой цитате.

³ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7.

⁴ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.

⁵ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 15. Письмо А.Х. Бенкендорфа А.А. Фонтону от 11 февраля 1838 г.

Однако более радикальные демократы были недовольны, что в программу ПНК составители не включили положения об уравнивании крестьян в правах со шляхтой и наделении их земельной собственностью. Уже в марте 1832 г. они покинули комитет Лелевеля и основали Польское демократическое общество (ПДО) [Фалькович 2017, 23–35; Zdrada 1987, 34–38]. Но и ПДО также не избежало раскола: в октябре 1835 г. от него отделилась портсмутская секция (Громада Люда Польского «Грудзёнж», получившая название по местности, где польские солдаты-повстанцы сидели в прусской тюрьме), которая вовсе отрицала частную собственность на землю [Там же, 71–81; Ibid., 1987, 39–42].

В 1830-х годах главную роль в организации повстанческой борьбы на территории бывшей Речи Посполитой играли сторонники Лелевеля. Весной 1833 г. состоялась неудачная экспедиция Ю. Заливского [Там же, 2017, 37–40; Ibid., 1987, 23–24]. В 1835–1838 гг. в польских землях широко развернулась подпольно-агитационная деятельность под руководством Ш. Конарского [Там же, 2017, 58–61, 92–93; Ibid., 1987, 29–33]. Активность Конарского и его соратников вызывала особенное беспокойство у Секретного комитета высшего политического надзора. Важно при этом подчеркнуть, что в обнаруженных архивных материалах отсутствует какой-либо анализ идеологических различий между эмигрантскими группировками. По-видимому, полицию интересовали, прежде всего, конкретные угрозы со стороны эмигрантов, а не их политическая позиция.

В историографии польского национального движения подробно изучены идейно-политическая жизнь эмиграции и ее подпольная активность в польских землях, входивших в состав Российской империи, Пруссии и Австрии⁶. Однако при изучении этих проблем полицейские отчеты использовались лишь фрагментарно, в качестве дополнительного источника сверки фактов. Есть отдельные работы о деятельности некоторых царских агентов в среде политических изгнанников (см., например: [Кухажевский 2018, 79–309; Gerber 1973, 5–78; Marchlewicz 2020, 243–255]). Тем не менее отсутствует литература, в которой бы полноценно анализировалась организация российского заграничного сыска на польском направлении.

Цели данной статьи — выяснить обстоятельства создания секретного комитета, установить, каким образом он функционировал и какие направления деятельности польской эмиграции его интересовали.

Идею создания этого органа выдвинул министр иностранных дел и вице-канцлер Российской империи К.В. Нессельроде. В письме к А.Х. Бенкендорфу 21 декабря 1837 г. глава внешнеполитического ведомства вкратце изложил основные положения этого проекта. К письму была приложена записка Николаю I с более подробным описанием функций комитета, которая, со слов Нессельроде, была удостоена «Высочайшего утверждения» государя. Бенкендорфу, судя по посланию вице-канцлера, оставалось только реализовать проект на практике: «Во исполнение Монаршей воли, я спешу сообщить при сем упоминаемую записку Вашему Сиятельству, для зависящего от Вас, Милостивый Государь, в сообразность с оною распоряжения»⁷.

Записка вице-канцлера называлась «О необходимости упорядочить и усилить нашу систему надзора в связи с происками польской эмиграции» (фр. «*De la nécessité de régulariser et renforcer notre système de surveillance à l'égard des menées de l'émigration polonaise*»). Мысль о написании этого документа возникла у него после

⁶ Библиографию о «Великой эмиграции» см.: [Фалькович 2017; Zdrada 1987].

⁷ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 2. Послание Нессельроде было написано по-русски, а сопроводительная записка к нему — по-французски.

прочтения депеши австрийского министра иностранных дел К. Меттерниха, написанную 7 декабря 1837 г. Агенты Меттерниха из Парижа, Лондона и Брюсселя отмечали увеличение активности польской эмиграции с целью вызвать «новые волнения» в Царстве Польском и соседних провинциях. Вердикт Нессельроде по поводу этого сообщения был таков: «Осторожность советует нам, таким образом, усилить надзор с нашей стороны по мере того, как наши противники усиливают свою активность»⁸.

Ключевым недостатком существующей системы зарубежного сыска Нессельроде считал отсутствие «единства». Вице-канцлер, как следует из документов, имел в виду, что этой системе не хватало руководящего органа, который бы координировал работу МИД, III отделения и тайной полиции Царства Польского. Взаимодействие этих ведомств сводилось к тому, что российские диппредставительства отправляли донесения Бенкендорфу и наместнику Царства Польского. Отсутствие межведомственного координационного центра не позволяло эффективно проверять достоверность присылаемой из-за рубежа информации и вести контроль за действиями агентов. МИД был не в состоянии самостоятельно отслеживать активность польских эмигрантов непосредственно на территории самой России⁹.

Нессельроде пришел к выводу, что необходимо создать «центр действий», в который бы стекались все сведения из-за рубежа, находившиеся в сфере интересов высшей полиции, и который бы направлял агентам указания по надзору за «тайными путями сообщения» польских эмигрантов. Во главе органа обязательно должен был стоять «верховный руководитель высшей полиции в Санкт-Петербурге» (т.е. шеф III отделения, Бенкендорф), а в его состав войти начальник канцелярии III отделения в подчинении Бенкендорфа, «доверенный служащий» МИД, а также «сотрудник, которого выберет военное министерство»¹⁰.

Сформированному в таком составе Секретному комитету высшего надзора придавался ряд функций. Во-первых, сверять между собой сведения как из-за рубежа, так и изнутри страны, а также из Царства Польского. Во-вторых, направлять деятельность дипломатических миссий, снабжая их данными из России (чтобы они поставляли актуальную для российских органов власти информацию). В-третьих, вести статистику численности эмиграции и ее ресурсов, составлять поименные списки эмигрантов. И, наконец, «изо дня в день» следить за передвижениями главных «эmissаров пропаганды», знать, под какими именами и под каким прикрытием они «плетут заговоры». Предполагалось, что входящие в комитет чиновники будут служить посредниками между «центром высшей полиции» и главами министерств¹¹.

Формирование комитета началось вскоре после появления упомянутой записки Нессельроде. Уже в письме 24 декабря Бенкендорф сообщил главе МИД, что от III отделения в комитет он назначил действительного статского советника Адама Сагтынского (1785–1866)¹². Этот выбор был очевиден. Сагтынский, происходивший из польской шляхты, хорошо знал польские дела и полицейский сыск. В 1819–1830 г. он служил в Главном штабе при вел. кн. Константине Павловиче, главнокомандующем армии Царства Польского. С 1834 г. работал в III отделении чиновником «по особым поручениям», фактически являясь руководителем заграничной агентуры ведомства [Черкасов 2007, 57]. В письме Паскевичу 16 февраля

⁸ Там же. Л. 3. Здесь и далее перевод на русский с французского оригинала.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 5–6.

¹¹ Там же. Л. 6–7.

¹² Там же. Л. 10.

1838 г. Бенкендорф сообщил, что Сагтынскому поручили вести протокол заседаний Секретного комитета высшего политического надзора¹³.

Другие кадровые решения не заставили себя долго ждать. Военный министр А.И. Чернышев уведомил Бенкендорфа в послании 25 декабря, что членом комитета от военного министерства будет статс-секретарь директор канцелярии Максим Максимович Брискорн (1788–1872)¹⁴. А.И. Чернышев занимался военной разведкой еще с наполеоновских войн. Он располагал агентами при российских посольствах, которые доставляли сведения о вооруженных силах различных стран [Иванов 2014, 144–151]. Большинство польских эмигрантов были профессиональными военными. Часть из них поступала на службу в иностранные армии¹⁵, а для организации повстанческих экспедиций эмиграция нуждалась в поставках вооружения¹⁶. Логично, что военное министерство могло отслеживать каналы этих поставок и обλάдало данными о послужном списке польских военных.

Представителем от МИД стал тайный советник Антон Антонович Фонтон (1780–1864)¹⁷, выходец из династии французских драгоманов (переводчиков с восточных языков), перешедших на русскую службу [Кудрявцева 2019, 48–49]. Он являлся неперменным членом Совета Министерства иностранных дел — высшего руководящего подразделения ведомства [Там же, 30].

Итак, в комитет вошли высокопоставленные чиновники разных министерств. Межведомственный характер этой структуры свидетельствует о том, что проблема польской эмиграции была поставлена на особый контроль.

Создание подобных органов являлось стандартной практикой для российского самодержавия. При Александре I в 1807 г. был учрежден Комитет охранения общей безопасности, призванный возглавить политический сыск в стране, «предупреждать пагубные замыслы внешних врагов государства» и «предписывать порядок следствий и наблюдать за производством оных» [Оржеховский 1982, 11–12]. В николаевскую эпоху создавались межведомственные комитеты, занимавшиеся проблемами определенных регионов (например, Особые комитеты по китайским и японским делам и т.д.) [Кудрявцева 2019, 55–56]. Уникальной чертой именно этого комитета была направленность на борьбу с революционной и повстанческой деятельностью польской эмиграции, общая численность которой к 1839 г. составляла до восьми тысяч человек [Zdrada 1987, 11] и которая действовала как внутри страны, так и за ее пределами. Фактически в документах комитета отражена активность только демократического крыла эмиграции, а не всего движения в целом. Польские политические эмигранты являлись врагами самодержавия независимо от своей политической позиции, поэтому, судя по всему, комитет не посчитал нужным акцентировать внимание на том, что фигурировавших в донесениях эмиссаров отправляли в Россию именно демократические группировки.

В тот период с аналогичным вызовом сталкивались и другие европейские державы. Например, в 1833 г. под крылом Меттерниха для надзора за немецким, венгерским, польским и итальянским революционными движениями было создано Информационное бюро в г. Майнц во главе с К. Ноэ [Рахшмир 2005, 274–276; Aliprantis 2023, 20–35]. Префектура парижской полиции в правление Луи-Филиппа

¹³ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 4.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 12.

¹⁵ Литературу и новейшие данные о военно-дипломатических проектах польской эмиграции см.: [Pezda 2016, 65–74].

¹⁶ Поставками вооружения для польского национального движения занималась, например, купеческая семья Бохенек из Вольного города Кракова. См.: [Żurawski vel Grajewski R. 2018, 57, 78].

¹⁷ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 5.

Орлеанского боролась с влиятельной республиканской оппозицией, которая в противостоянии с правительством использовала политических изгнанников из многих европейских стран, включая поляков [Кухажевский 2018, 132–138].

В письме Бенкендорфа Паскевичу 16 февраля 1838 г. содержалась также справочная записка с примечательной характеристикой французской политики в отношении польского движения. Наиболее беспокойных эмигрантов экстрадировали из Франции, других — распределяли по территории страны и помещали под частичный надзор полиции. Кроме того, правительство уменьшило размер выдаваемых им денежных пособий. Любопытно отметить, что все эти меры, согласно записке, принимались для сдерживания подрывной активности эмигрантов только в отношении Франции. Ничего не делалось, чтобы препятствовать их деятельности против других держав¹⁸.

Таким образом, в ту эпоху польское национальное движение наряду с другими национально-революционными движениями было трансграничным явлением, фактором внутренней и внешней политики ряда европейских государств. Массу политических беженцев как опасную стихию, не могла (а зачастую и не хотела) полностью контролировать ни одна из держав. Власти Российской империи осознавали, что для противодействия этой угрозе необходима скоординированная работа всего государственного аппарата, а не отдельного учреждения.

Основное внимание Секретный комитет высшего политического надзора уделял замышлявшимся среди польской эмиграции планам царевбийства. Формат межведомственного совещания позволял сверять данные из разных источников и оперативно принимать необходимые меры предосторожности. Так, например, на втором заседании комитета 21 февраля 1838 г. Фонтон представил две депеши российских миссий в Париже и Дрездене, согласно которым польский эmissар Адольф Залеский (фр. *Adolphe Zaleski*, польск. *Adolf Zaleski*) выехал из Парижа в Россию с целью покушения на Николая I. Дрезденское диппредставительство уведомило об этом прусскую полицию и Паскевича. Тем не менее комитет, опасаясь, что Залеский может ускользнуть от полиции Пруссии и Царства Польского, решил переслать эти сведения литовскому генерал-губернатору и генерал-губернатору остзейских провинций (по совместительству рижскому военному губернатору)¹⁹.

На заседание 28 февраля поступили уже уточненные сведения дрезденской миссии о предполагаемом маршруте Залеского. Эмиссар хотел проникнуть в Россию через территорию Австрии и Молдавии. Поэтому комитет постановил теперь предупредить одесского и киевского генерал-губернаторов²⁰.

7 марта Фонтон представил депешу российского посла во Франции П.П. Палена, благодаря которой были установлены сразу несколько важных деталей. «Новые откровения» некоего Зенона Вишневого (фр. *Zenon Wiszniewski*, польск. *Wiśniewski*)²¹ подтвердили информацию об отъезде Залеского из Парижа с поручением убить Николая I. Предполагаемый царевбийца должен был ехать под именем «Жан Гика» (фр. *Jean Ghica*). Кроме того, с аналогичной миссией из Лондона выехал другой польский эмигрант — Сперчиньский (фр. *Sperczyński*, польск. *Sperczyński*). Также было отмечено, что эмиссары Конарский (фр. и польск. *Konarski*) и Шемиот (фр. *Szemioth*, польск. *Szemiot*) «продолжают пребывать то в России, то в Польше». Наконец, обращалось внимание на то, что предводитель

¹⁸ ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7. Л. 18.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 9.

²¹ Здесь и далее приведены французские варианты написания польских имен из источника. Если они не совпадают с оригинальным польским написанием, рядом приводятся польские формы.

виленского дворянства Шумский (фр. и польск. *Szumski*) поддерживает контакты с польскими эмигрантами²².

Перечисленные выше личности неслучайно упомянуты в рамках одного донесения. Ш. Конарский руководил революционной организацией «Содружество польского народа», созданной им в 1835 г. совместно с братьями Адольфом (1810–1853) и Леоном Залескими (ок. 1810–1841) [Łopuszański 1973, XIII]. Адам Сперчиньский тоже входил в круг соратников Конарского [Łukasiewicz 1948, 109].

Примечательно, что фамилия «Гика», под которой собирался путешествовать Адольф Залеский, принадлежала известному валахско-молдавскому боярскому роду. Под французским именем «Жан» вероятно подразумевался его румынский эквивалент «Ион». В 1830–1840-х годах польские эмигранты активно сотрудничали с некоторыми деятелями Дунайских княжеств. Между прочим, именно в то время жил и настоящий Ион Гика (1816–1897) – обучившийся во Франции революционер, будущий премьер-министр Румынии²³. Возможно, и у самого Залеского имелись контакты в румынской среде. Недаром в предыдущем донесении указывалось, что эмиссар будет пробираться в Россию через Молдавию. Заговорщик мог использовать этот псевдоним, чтобы притвориться возвращающимся из-за границы местным жителем и, не вызывая подозрений, пересечь границу.

Упомянутый Зенон Вишневский, скорее всего, также был выходцем из революционно-демократического лагеря польской эмиграции. На начало апреля 1836 г. человек с таким именем и фамилией состоял в секции «Батиньоль» (по названию одноименного квартала Парижа) Польского демократического общества [Рас 1936, 144]. Из депеши Палена остается неясным, служил ли Вишневский полицейским осведомителем или же он просто проговорился в присутствии какого-нибудь агента.

Наконец, предводитель дворянства Виленской губернии и участник восстания 1830–1831 гг. Станислав Шумский (1790–1871) не только поддерживал контакты с эмигрантами, но и сам являлся участником заговора Конарского и даже оставил воспоминания о своем повстанческом опыте [Szostakowski 1981, 249].

Активность Конарского и его союзников обратила внимание российского правительства еще задолго до 1838 г. С декабря 1835 г. эмиссар развернул широкую подпольно-агитационную деятельность в западных губерниях Российской империи. Уже с начала 1836 г. царские власти получали сообщения о пребывании этого конспиратора на российской территории и вели его розыск [Łopuszański 1973, XV–XVI].

Пример деятельности «Содружества польского народа» продемонстрировал проблему, о которой писал Нессельроде в записке. Надзор за предполагаемым маршрутом всего лишь одного польского эмиссара требовал внимания сразу нескольких акторов. Вне границ империи этим занимались зарубежные посольства, которые время от времени координировали свои действия с властями Австрии и Пруссии. В пограничных губерниях России необходимо было содействие местных властей. Наконец, очевидно, что о ходе наблюдений должно было знать III отделение как центральный орган тайной полиции. Выпадение хотя бы одного звена из этой цепочки могло означать, что деятельность опасных заговорщиков останется незамеченной.

Кроме того, важно учитывать небольшую по современным меркам скорость коммуникаций во второй четверти XIX в. Например, курьерские почтовые

²² Там же. Л. 10.

²³ Подробнее о польско-румынских связях в этот период см.: [Cosma 2019, 111–140].

сообщения шли из Европы в Россию около двух недель [Кудрявцева 2019, 230]. Польским офицерам, которые в декабре 1831 г. отправлялись в эмиграцию, потребовалось около 50 дней, чтобы от границ Восточной Пруссии добраться до французского Страсбурга [Zdrada 1987, 5]. К этому надо добавить непредвиденные задержки в пути, возможность получения противоречивой информации и риск натолкнуться на «ложный след». Поэтому решение проводить заседания комитета раз в неделю представляется логичным шагом для оперативного реагирования на регулярно поступающие данные.

Дальнейшая история наблюдений за перемещениями Залеского раскрывает сложности организации подобного рода надзора. На заседание 28 марта поступила депеша русского посланника в Пруссии А.И. Рибопьера, согласно которой местные власти на пути из г. Эрфурта в Саксонию по ошибке задержали однофамильца эмиссара — Яна Залеского²⁴. Им оказался варшавский купец, который возвращался из Парижа. Проведя допрос негоцианта, прусские следователи сочли его «неопасным». Кроме того, коммерсант (Ян Залеский), еще находясь во французской столице, слышал, что революционер (Адольф Залеский) отправился в Галицию, «где все еще должен пребывать». Комитет заключил, что было бы полезно сообщить эти сведения австрийскому правительству²⁵.

Через две недели (11 апреля) вместе с депешей русского посла в Вене Д.П. Татищева пришел ответ от Меттерниха. Австрийский канцлер предположил, что опасный эмиссар уже некоторое время мог находиться в Галиции и даже оказаться среди недавно арестованных за «политические махинации»²⁶. Татищев по предложению Меттерниха выслал генерал-адъютанту Шипову письмо с просьбой отправить кого-нибудь лично знающего Залеского из Варшавы во Львов, чтобы установить, действительно ли он находился среди задержанных австрийскими властями²⁷.

Генерал-адъютант Сергей Павлович Шипов (1790—1876) на тот момент входил в Административный совет Царства Польского и занимал пост председателя правительственной комиссии внутренних, духовных дел и народного просвещения [Kulik 2019, 231—232]. Кроме того, Царство Польское граничило с австрийской Галицией. Опыт Шипова в польских делах и возможность быстро добраться до пункта назначения делали его подходящей кандидатурой для подобных поручений, не говоря уже о периоде 1839—1840 гг., когда его назначили военным губернатором Варшавы — по сути первым заместителем наместника Царства Польского, который руководил военной администрацией, следственными комиссиями и местной тайной полицией [Ibid., 185—186].

На следующем заседании 18 апреля ситуация с Залеским так и не прояснилась. Рибопьер прислал сообщение от прусского министра внутренних дел и полиции Густава фон Рохова (1792—1847), полностью повторявшее полученные неделей ранее сведения Меттерниха. Рохов тоже располагал данными, что Залеский мог оказаться среди задержанных в Галиции²⁸. В свою очередь, судьба послания Татищева Шипову по-прежнему оставалась неизвестной. Комитет не придумал ничего лучше, чем отправить запрос начальнику Шипова Паскевичу с целью узнать, была ли удовлетворена просьба Татищева²⁹.

²⁴ В протоколе заседания он обозначен как «Жан» (фр. *Jean*).

²⁵ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 16.

²⁶ Там же. Л. 18—19.

²⁷ Там же. Л. 19.

²⁸ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 20.

²⁹ Там же. Л. 21.

На этом моменте протоколы заседаний комитета, а вместе с ними и история Адольфа Залеского в 1838 г. обрываются. Тем не менее, судя по дальнейшим событиям, ни одна из сторон этого противостояния не сумела достичь целей. Царский сыск не смог поймать Залеского, а польскому революционеру не удалось совершить покушение на Николая I. Уже в отчете III отделения за 1839 г. передавалась депеша Палена из Парижа, согласно которой одни из лидеров демократического лагеря эмиграции ген. Ю. Дверницкий и историк И. Лелевель отправили в Польшу очередную группу эмигрантов. Среди них упоминался Адольф Залеский³⁰. Судя по всему, поскольку польскому заговорщику не удалось добраться до пункта назначения в 1838 г., он решил повторить попытку в следующем году.

Последняя запись в данном архивном деле датируется 2 января 1839 г. Сообщается, что работа комитета завершилась в конце апреля 1838 г. в связи с долгим отсутствием его членов. Бенкендорф пребывал в длительных зарубежных поездках, а Сагтынский его сопровождал. Фонтон получил полугодичный отпуск. О Брискорне ничего не говорилось³¹.

Кроме того, там же было обращено внимание на два важных события, которые произошли в этот восьмимесячный интервал. Во-первых, в мае 1838 г. произошел арест Конарского близ Вильно. Во-вторых, был установлен «постоянный надзор в Париже, благодаря которому правительство стало получать точные сведения об интригах и предприятиях польских эмигрантов»³².

Трудно однозначно определить, что конкретно подразумевалось под «постоянным надзором». В сообщении отсутствовали какие-либо дополнительные комментарии. Не ясно, в каком формате продолжил существование «Секретный комитет высшего политического надзора» (и существовал ли он в последующее время). В любом случае, опыт межведомственной кооперации в сфере политического сыска не прошел даром. Об этом могут свидетельствовать некоторые косвенные наблюдения.

Начиная с 1839 г. характер освещения польских сюжетов в ежегодных отчетах III отделения (опубликованных в 2006 г.) значительно изменился. Если в донесениях 1832–1838 гг. польская эмиграция характеризовалась общими фразами без конкретных сведений³³, то с 1839 г. появились полноценные информационные сводки с указанием разных источников.

Так, например, в отчете 1839 г. кратко изложены донесения агентов Бакье и Дюрана, депеши послов Палена и Татищева из Парижа и Вены, сообщения посланника в Штутгарте барона Ф.И. Бруннова (1797–1875), вице-канцлера Нессельроде, наместника Царства Польского Паскевича, виленского генерал-губернатора Н.А. Долгорукова (1792–1847) и австрийского канцлера Меттерниха³⁴. По содержанию и объему выжимки из этих донесений напоминают рассмотренные выше протокольные записи комитета. Таким образом, к 1839 г. III отделение, в том числе благодаря работе комитета, научилось сводить воедино данные о польской эмиграции из разных агентурных источников.

Подводя итог, отмечу, во-первых, что Секретный комитет высшего политического надзора не являлся полноценным государственным учреждением. Это была совещательная площадка, в рамках которой представители разных ведомств делились сведениями по вопросам заграничного политического сыска. Структура

³⁰ Россия под надзором, 196.

³¹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230. Л. 22.

³² Там же.

³³ Россия под надзором, 90, 103, 120, 131, 164, 183.

³⁴ Там же, 194–197.

российского полицейского надзора по-прежнему представляла собой совокупность отдельных военно-административных и дипломатических органов. На базе III отделения была создана не централизованная служба внешней разведки, сосредоточившая все руководство заграничной агентурой, как отмечали некоторые исследователи [Заиченко 2023, 33–45; Оржиховский 1982, 69; Троцкий 1930, 59; Черкасов 2008, 173–175; Черкасов 2007, 56–62], а скорее межведомственная и межгосударственная система обмена агентурными данными.

Во-вторых, комитет интересовали, прежде всего, данные о перемещениях польских эмигрантов и конкретных диверсиях, включая планы царевубийств. В протоколах отсутствует анализ идеологического противостояния между разными группировками эмиграции. Нет упоминаний об организации каких-либо провокаций с целью вызвать раскол среди польских революционеров или усилить уже имеющиеся противоречия. Таких операций исключать нельзя, но они явно не были постоянным элементом российского заграничного надзора той эпохи.

Наконец, протоколы заседаний комитета демонстрируют, что в 1830-х годах главным объектом российского заграничного полицейского сыска являлась польская эмиграция. На тот момент это было единственное относительно массовое и организованное политическое движение российских подданных, которое могло представлять угрозу для самодержавия.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

МИД – Министерство иностранных дел

ПДО – Польское демократическое общество (польск. TDP – Towarzystwo Demokratyczne Polskie)

ПНК – Польский национальный комитет (польск. KNP – Komitet Narodowy Polski)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

ГА РФ. Ф. 109. 1-я эксп. 1837 г. Д. 58. Ч. 7.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 230.

Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М.В. Сидорова и Е.И. Щербакова. М.: «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. 706 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов: Научная книга, 2008. 214 с.

Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I.М.: Три квадрата, 2009. 424 с.

Заиченко О.В. «Русский шпион» Швейцер: попытка реконструкции биографии. Агент Высшей военно-секретной полиции в Варшаве (1819–1831) // Новая и новейшая история. 2023. № 1. С. 33–45.

Иванов О.К. «Корреспонденты» А.И. Чернышева // История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. М.: Международные отношения, 2014. Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / под ред. Е.М. Примакова. С. 144–151.

Кудрявцева Е.П. Министерство иностранных дел России во второй четверти XIX века. М.: МГИМО-Университет, 2019. 590 с.

Кухажевский Я. От белого до красного царизма. М.: Издатель Степаненко, 2018. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение / пер. с польск. Ю.А. Борисёнка. 500 с.

Носов Б.В. Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И.Ф. Паскевича // Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. М.: Индрик, 2016. С. 89–199.

Оржиховский И.В. Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982. 207 с.

Рахмиров П.Ю. Князь Меттерних. Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. 405 с.

Троцкий И.М. III отделение при Николае I.М.: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. 139 с.

- Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.
- Черкасов П.П. Третий человек в III отделении. Адам Сагтынский – первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
- Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М.: Т-во научных изданий КМК, 2008. 453 с.
- Чукарев А.Г. Тайная полиция России: 1825–1855 гг. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 704 с.
- Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach // Central Europe. London: Routledge, 2023. Vol. 21. Iss. 1. P. 20–35.
- Borkowski J. Andriej Storożenko – «Wrażenia»: (fragmenty dziennika z lat 1844–1845) // Niepodległość i Pamięć. Warszawa, 2003. № 1. S. 217–242.
- Cosma E. Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849) // Istrazivanja. Journal of Historical Researches. Novi Sad: University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, 2019. № 30. P. 111–140.
- Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku // Potocki A. Raporty szpiega. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. T. 1. S. 5–78.
- Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków: Arcana, 2012. 812 s.
- Kulik M. Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856. Warszawa: Instytut historii PAN, 2019. 373 s.
- Łopuszański B., Smirnow A. Wstęp // Konarski S. Dziennik z lat 1831–1834. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. S. V–XXIV.
- Lukasiewicz W. Szymon Konarski. Warszawa: Książka, 1948. 234 s.
- Marchlewicz K. Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r. // Przegląd Historyczny. 2020. T. CXI. № 2. S. 243–255.
- Pac L. Konfederacja Narodu Polskiego: z dziejów Wielkiej Emigracji: część II // Przegląd Historyczny. 1936. T. 33. № 1. S. 89–175.
- Pezda J. Emigracyjne gry dyplomatyczne // Polacy i świat, kultura i zmiana: studia historyczne i antropologiczne ofiarowane profesor Halinie Florkowskiej-Frančić. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2016. S. 65–74.
- Próchniak A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915) // Studia i szkice (1864–1918). Warszawa: Książka i Wiedza, 1962. S. 47–104.
- Szostakowski S. Emisariusze polscy w Prusach Wschodnich (1833–1841) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego, 1981. № 2–4. S. 245–258.
- Zdrada J. Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym. Warszawa: Prasa-Książka-Ruch, 1987. 80 s.
- Żurawski vel Grajewski R. Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w «dyplomacji» Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845). Kraków; Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 400 s.
- Рукопись поступила в редакцию 06.09.2023
Рукопись принята к печати 27.09.2023

REFERENCES

- Abakumov O.YU. «...Chtob npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely». Iz istorii bor'by III otdeleniya s evropejskim vliyaniem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-h gg.). Saratov, Nauchnaya kniga Publ., 2008, 214 p. (In Russ.)
- Aliprantis C. The Austrian Political Police Abroad in the Age of Revolutions, 1830–1867: A Microhistorical Approach, *Central Europe*, London, Routledge Publ., 2023, vol. 21, no. 1, pp. 20–35.
- Bibikov G.N. A.H. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2009, 424 p. (In Russ.)
- Borkowski J. Andriej Storożenko – «Wrażenia»: (fragmenty dziennika z lat 1844–1845), *Niepodległość i Pamięć*, Warszawa, 2003, no. 1, pp. 217–242.
- Cherkasov P.P. Tretij chelovek v III otdelenii. Adam Sagtynskij – pervyj shef rossijskoj vneshnej razvedki, *Rodina*, 2007, no. 9, pp. 56–62. (In Russ.)
- Cherkasov P.P. Russkij agent vo Francii. Jakov Nikolaevich Tolstoj (1791–1867 gg.). Moscow, T-vo nauchnyh izdanij KMK Publ., 2008, 453 p. (In Russ.)
- Chukarev A.G. Tajnaya policija Rossii: 1825–1855 gg. Moscow, Zhukovskij, Kuchkovo pole Publ., 2005, 704 p. (In Russ.)
- Cosma E. Diplomatic and military agents of the Polish Emigration in the Romanian principalities (1833–1849), *Istrazivanja. Journal of Historical Researches*, Novi Sad, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy, 2019, no. 30, pp. 111–140.
- Fal'kovich S.M. Pol'skaya politicheskaya emigracija v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-h godov XIX veka. Moscow, St. Petersburg Nestor-Istoriya Publ., 2017, 320 p. (In Russ.)

- Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku, *Potocki A. Raporty szpiega*. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy Publ., 1973, t. 1, pp. 5–78.
- Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» i kraj przyszości. Hr. Adam Gurowski i Rosja, Kraków, Arcana Publ., 2012, 812 p.
- Ivanov O.K. «Korrespondenty» A.I. Chernysheva. *Istoriya rossijskoj vneshnej razvedki: Oчерki: v 6 t.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2014, t. 1. *Ot drevnejshih vremen do 1917 goda*, eds. E.M. Primakov. pp. 144–151. (In Russ.)
- Kucharzewski J. *Ot belogo do krasnogo carizma*. Moscow, Izdatel' Stepanenko Publ., 2018, t. 3. *Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel': Ch. 2. III otdelenie*. 500 p. (In Russ.)
- Kudryavceva E.P. *Ministerstvo inostrannyh del Rossii vo vtoroj chetverti XIX veka*. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2019, 590 p. (In Russ.)
- Kulik M. *Armia rosyjska w Królestwie Polskim w latach 1815–1856*, Warszawa, Instytut historii PAN Publ., 2019, 373 p.
- Łopuszański B., Smirnow A. Wstęp, *Konarski S. Dziennik z lat 1831–1834*. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich Publ., 1973, pp. V–XXIV.
- Łukasiewicz W. *Szymon Konarski*, Warszawa, Książka Publ., 1948, 234 p.
- Marchlewicz K. Między winą a pomówieniem. Emigracyjna afera szpiegowska z 1838 r., *Przegląd Historyczny*, 2020, t. CXI, no. 2, pp. 243–255.
- Nosov B.V. Politika carskogo pravitel'stva v Korolevstve Pol'skom vremeni namestnichestva I.F. Paskevicha. *Mezh dvuh vosstanij. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v.* Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 89–199. (In Russ.)
- Orzhekhovskij I.V. *Samoderzhavie protiv revolyucionnoj Rossii*. Moscow, Mysl' Publ., 1982, 207 p. (In Russ.)
- Pac L. Konfederacja Narodu Polskiego: z dziejów Wielkiej Emigracji: część II, *Przegląd Historyczny*, 1936, t. 33, no. 1, pp. 89–175.
- Pezda J. Emigracyjne gry dyplomatyczne, *Polacy i świat, kultura i zmiana: studia historyczne i antropologiczne ofiarowane profesor Halinie Florkowskiej-Frančić*, Kraków, Księgarnia Akademicka Publ., 2016, pp. 65–74.
- Próchnik A. Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812–1915), *Studia i szkice (1864–1918)*, Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1962, pp. 47–104.
- Rahshmir P.YU. *Knyaz' Meternich*. Perm', Izdatel'stvo Permskogo universiteta Publ., 2005, 405 p.
- Szostakowski S. Emisariusze polscy w Prusach Wschodnich (1833–1841), *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*, Olsztyn, Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego Publ., 1981, no. 2–4, pp. 245–258.
- Trockij I.M. *III otdelenie pri Nikolae I.* Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssyl'no poselencev Publ., 1930, 139 p. (In Russ.)
- Zaichenko O.V. «Russkij shpion» Shvejcer: popytka rekonstrukcii biografii. Agent Vyshej voenno-sekretnoj policii v Varshave (1819–1831). *Novaya i novejsaya istoriya*, 2023, no. 1, pp. 33–45. (In Russ.)
- Zdrada J. *Wielka Emigracja po Powstaniu Listopadowym*, Warszawa, Prasa-Książka-Ruch Publ., 1987, 80 p.
- Żurawski vel Grajewski R. *Ostatnie polskie miasto. Rzeczpospolita Krakowska w «dyplomacji» Hotelu Lambert wobec Wielkiej Brytanii (1831–1845)*, Kraków, Łódź, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Publ., 2018, 400 p.

Received on 06.09.2023

Accepted on 27.09.2023

Информация об авторе:

Бабоша Иван Александрович
Ведущий редактор
Фундаментальная библиотека
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2502-3906
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Information about the authors:

Ivan A. Babosha
Leading editor
Fundamental Library of Institute of Scientific
Information of the Russian Academy of Sciences
for Social Sciences RAN
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2502-3906
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru